И.Буздалов

Главный путь возрождения российского села

Рассматривается кризисное состояние аграрного сектора России, его причины и определяющая роль в его преодолении осуществление последовательной интенсификации сельского хозяйства. Отмечается отставание в научной разработке методологических и прикладных аспектов интенсификации, слабое отражение темы в специальной экономической литературе. Освещается зарубежный опыт в этой области, практика использования факторов интенсификации в советской и современный период развития сельского хозяйства. Показываются особая роль государства в активизации процесса интенсификации сельскохозяйственного производства, негативные последствия отсутствия активной протекционистской поддержки этого процесса. Обосновываются меры по повышению уровня и экономической эффективности интенсификации.

Ключевые слова: аграрный кризис, интенсификация, факторы интенсификации, модернизация, инвестиции, научно-технический прогресс, добавочные вложения, земельная рента, аграрный протекционизм, аграрная политика.

JEL: Q18, Q14, Q11

Сельское хозяйство России не обрело устойчивости развития в результате реформ, как на это многие надеялись. Оно по-прежнему остается наиболее отсталым сектором экономики. За два десятилетия начатых в стране преобразований эта отрасль, особенно ее социальная сфера, не вышла из состояния системного кризиса. Располагая богатым природным потенциалом, она оказалась не в состоянии прокормить собственное население. Масштабный провал в производстве продовольственной, особенно животноводческой продукции, приходится восполнять огромным ее импортом (27 млрд долл. в 2007 г., 36,4 млрд долл. в 2010 г. и 40,5 млрд долл. в 2012 г.). Зарубежные закупки составляют до 40% потребляемых жителями страны продуктов питания, а в крупных городах – до 60%. Но при этом сами душевые нормы потребления наиболее ценных из них (мясо, молоко, рыба, фрукты) сократились. В результате при низких доходах и постоянном росте цен на продовольствие по жизненному уровню основной массы населения, тем самым, наносится ощутимый удар. Не трудно представить, какой бедой для страны может обернуться перекрытие по тем или иным причинам импортных каналов продовольственного снабжения.

О кризисном положении российского сельского хозяйства свидетельствует выпадение за годы реформ из обработки более 40 млн гектаров прежних пахотных угодий, которые пустуют и зарастают, в том числе и многие уникальные черноземные земли. Продолжается деградация находящихся в обороте земельных угодий. Почти 20 тыс сельских поселений

Буздалов Иван Николаевич (tamara.buzdalova@yandex.ru), академик РАСХН, главный научный сотрудник ВИАПИ им. А.А.Никонова

исчезло за это время с карты страны, а многие из еще оставшихся обезлюдели, находятся в состоянии вековой «забитости и одичалости». Конечно, имея 10% мировых продуктивных земель при 2% населения планеты, Россия какое-то время может такое пережить. Но, ведь, это вопиющий пример бесхозяйственности и ущербности проводимой ныне аграрной и общей экономической политики государства.

Ведь сельское хозяйство не просто отрасль, кормящая и помогающая одевать население страны. Это корневая система человеческого общества, основа духовных и нравственных ценностей. Сельский пейзаж в широком социально-экономическом смысле (цветущие высокопродуктивные поля, тучные стада домашних животных, благоустроенные, соединенные современной дорожно-транспортной сетью и системой связи поселения с высоким качеством жизни и специальной подготовкой работников, экологическая чистота окружающей среды и т.д.) – *лицо нации* (по Ф.М.Достоевскому – «характер и ум нации»), самый верный показатель ее нравственности и цивилизованности, мудрости политического руководства страны и профессионализма государственного управления ее экономикой и социальными процессами. Пока на этом лице наблюдаются признаки безысходности, а лица самих многострадальных российских крестьян выглядят особенно бледно и изможденно (подробно об этом см.: Буздалов И.Н. «Униженный класс: о социальном статусе и экономическом положении российского крестьянства». Вопросы экономики. 2011 г., № 4, с. 137-148).

Опыт и достижения развитых стран

Тревожные тенденции с воспроизводством продовольствия в современном мире вызывают все большую озабоченность человечества проблемами сельского развития. По оценкам ФАО в связи с сокращением пахотно-пригодных земель, высокой затратностью освоения ограниченных по площади малопригодных для земледелия угодий, опережающим ростом народонаселения планеты (за 2010-2030 гг. с 6,4 до 8,3 млрд человек) продовольственная проблема неизбежно будет обостряться (по тем же оценкам темпы прироста продуктов питания сократятся в три раза).

Учитывая это, передовые страны настойчиво и последовательно ориентируют аграрную политику и общую экономическую стратегию государства на главный, интенсивный путь развития сельского хозяйства, как надежную гарантию обеспечения продовольственной безопасности и поддержания общего социально-экономического благополучия в обществе. Характерный пример такой национальной стратегии показывает Швейцария, не имеющая ни газа, ни нефти, ни многих других даровых природных богатств, но достигшая своего процветания, как страна «крестьян и коров».

Именно, исходя из предпосылки, что поскольку сельское хозяйство как первичная базовая отрасль экономики во многом предопределяет это

благополучие, в Конституции страны ему уделен особый параграф, обязывающий государство в приоритетном порядке оказывать крестьянству постоянную активную протекционистскую поддержку. На основе такой конституционно закрепленной аграрной политики выросли современные институты государства, создана одна из стабильных и устойчивых экономика страны с высокоразвитой промышленностью, особенно машиностроительной, текстильной, химической, фармацевтической, пищевой, надежной финансово-банковской системой. Поэтому, имея сейчас в расчете на душу населения сельскохозяйственных земель далеко не лучшего качества почти в 5 раз меньше, чем в России всего 4% швейцарских крестьян-собственников, занятых в аграрном производстве в целом обеспечивают продовольственную безопасность страны, экспортируя значительную часть производимой высококачественной животноводческой продукции.

Путь к нынешнему системному благополучию Швейцарии заложенный на основе гарантированного государством прочного социального положения крестьянства исчисляется столетиями. Уже в начале 18 в., когда в России царило крепостничество, и вследствие этого масштабное расстройство всего национального организма страны, швейцарские крестьяне жили и трудились в условиях личной свободы и права собственности, дававших мощные стимулы к общему прогрессу в народном хозяйстве. «Невозможно, – писал известный экономист и историк Ж.Ш.Сисмонди (кстати, почетный член Петербургской Академии наук), – без восхищения видеть рубленные дома самых бедных крестьян – дома столь просторные, окруженные столь добротными оградами, столь нарядно покрытые резьбой; в коровниках стоит самая лучшая и самая ухоженная в Европе скотина; в саду растут цветы; мужчины и женщины одеты тепло и опрятно; на всех лицах – печать здоровья и силы. Пусть другие страны похваляются своими богатствами – Швейцария всегда может с гордостью показать на своих крестьян»[1].

Могут показать на своих, с той же печатью здоровья и силы, крестьян как созидательную силу общего прогресса в государстве и многие другие, в т.ч. крупные страны. Среди таких стран, в частности, выделяется Германия. На основе специального аграрного законодательства о приоритете сельского развития в стране созданы достойные условия жизнедеятельности крестьянства, общее высокоинтенсивное развитие сельского хозяйства. Поэтому при малоземелье и низком естественном плодородии почв социально обустроенная и динамично развивающаяся отрасль, располагающая земельными угодьями в расчете на 1 жителя страны в 3,2 раза меньшими, чем Россия, сейчас Германия производит свыше 90% необходимого стране продовольствия, а трудоемкая продукция животноводства в больших объемах экспортируется.

[1] Милль Дж.С. Основы политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии. Гл. VI. «О крестьянах собственниках». М.: Прогресс. 1980 г. В 3-х томах. Т. 1. С. 414.

Приверженцы «особого российского пути», «особой стати» России, которую якобы «умом не понять» и в которую надо бездумно только верить, могут сказать, что все это возможно у немцев, людей активных, умеющих работать, исполнительных, в том числе в соблюдении установленного в стране общественно-политического порядка и адекватного ему порядка в личной жизнедеятельности каждого, в его ценностных ориентациях. У нас же, у «россиян», мол, иные ориентации, совсем другой менталитет с уклоном многих (наученных во многом советскими лозунгами о равенстве, братстве, товарищеской взаимопомощи и т.д.), ожидать с небес (читай: от государства) своего благополучия, оставив немцам, швейцарцам, англичанам, китайцам, французам, американцам и т.д. навыки трудовой активности, исполнительности, следовательно, экономической дееспособности. Но тогда, как говорят, нужно посыпать голову пеплом и дальше пребывать в этом состоянии (по словам В.И.Ленина, в состоянии «паршивой российской обломовщины»), ложно предполагая, что социальная справедливость и социальное иждивенчество это одно и тоже. Россия, как и всякая другая страна в глобальном мирохозяйственном плане имеет определенную региональную специфику, не отвергающую приоритета общечеловеческих ценностей и общих закономерностей развития общества. Конструкция «особого российского пути» является надуманной, «удобной» для оправдания этой обломовщины, «крутых» поворотов, «великих переломов» и многих других «исторических» проявлений отступления от этих ценностей и закономерностей.

Все, однако, зависит от «внешней среды», от определяющего сознание и поведение людей «общественного бытия», и прежде всего, от наличия политической воли и профессионализма высшей государственной власти, постоянного жесткого (в рамках принципов демократии и правового государства) проявления этой воли в наведении, по опыту Германии, других стран, так называемого «совокупного функционирующего порядка», активизирующего экономическую дееспособность в самых различных сферах общественной деятельности, а не только в непосредственно производственной, хозяйственной. Разве не у «россиян» проявлялся менталитет меншиковых, потемкиных, строгановых, морозовых, путиловых и многих других, говоря словами Ломоносова «собственных Платонов» и не проявляется он у современных предпринимателей во всех этих сферах?

Сваливать все на некий, якобы, от всевышнего данный, «окостенелый» российский менталитет, в частности, крестьянский (как будто в селе не было прежних и нет современных «культурных» хозяев), на ту же, изобретенную для оправдания самотека, безответственности или, наоборот, диктата и произвола властей, особую российскую «стать», значит и далее довольствоваться благодушными иллюзиями и бездействием с их заведомой социальной пагубностью. Но тогда есть и другое, веками проверенное с петровских времен, действенное средство преодоления этой ложной веры:

«брать в учителя немцев, выплачивая им повышенную заработную плату»[2], и не одного Г.Шредера, а тех же Л.Эрхарда, В.Ойкена и др. и их последователей в науке и организации экономической жизни общества на принципах социального рыночного хозяйства.

По сути, из концепции «особого российского пути» в угоду вероломно действовавшей власти исходил академик С.Г.Струмилин, утверждая: «Наша задача не в том, чтобы изучать экономику, а в том, чтобы изменять ее. Нас не связывают никакие законы… Вопрос о темпах должны решать люди» (имелись ввиду, несведущие в законах развития экономики, большевистские вожаки во главе со Сталиным). Как известно, эти вероломные решения, особенно в деле военно-феодальной эксплуатации крестьянства, стоили России неисчислимых потерь и человеческих страданий и жертв.

Вопреки досужим домыслам выпячивания «особого российского пути» во всех его, часто явно абсурдных, проявлениях у нынешнего российского руководства есть понимание того, что в условиях углубляющейся глобализации и России надо опираться на общие мирохозяйственные закономерности экономического развития, на опыт развитых стран, в частности, в вопросах обеспечения приоритета сельского хозяйства, его активной государственной протекционистской поддержки. Об этом говорилось в известной статье Д.А.Медведева «Россия, вперед!», и особо подчеркивалось в предвыборных обязательствах В.В.Путина по стратегии экономического развития страны, отметившего, что в использовании такого опыта Россия не может быть исключением[3].

Другое дело, насколько это понимание и признание как объективно общественная необходимость реализуется в реальной экономической, в частности, в бюджетной политике. Здесь, к сожалению, пока слова и дела резко расходятся. Техническая и общая фондооснащенность сельского хозяйства в расчете на гектар пашни в развитых странах в 4-5 раз превышают российские показатели, а суммы субсидий на ту же площадь различаются на порядок.

Власти ссылаются на ограниченность ресурсов, на «утвержденные» параметры консолидированного бюджета страны, в том числе его аграрного сегмента. Но ограничение финансовых возможностей государства характерно для любой страны и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском развитии формируют структуру бюджета в соответствии с задачами сбалансированного социально-экономического развития страны, обеспечивающего системную модернизацию сельскохозяйственного производства. Даже в «союзной» с Россией Республике Беларусь доля аграрного бюджета составляет 12%, а в странах ЕС она превышает 40%, против 1,4% в России (в дореформенный период в СССР эта доля составляла свыше 15%, в годы НЭПа – 7,5%). Нынешняя бюджетная политика в корне противоречит осуществлению

[2] Ленин В.И. ПСС. Т. 54, с. 175.
[3] Путин В.В. «О наших экономических задачах». Ведомости. 30.01.2012 г., № 15 (3029).

последовательной интенсификации как главному пути развития сельского хозяйства, по которому идут все развитые страны, обеспечивая, тем самым, общую структурную сбалансированность всего народного хозяйства.

Забытая проблема: о сущности интенсификации сельского хозяйства

К сожалению, в последнее время, несмотря на особую значимость и актуальность, проблема интенсификации сельского хозяйства, являвшаяся в 60-70^{е} гг. прошлого века предметом острой и незакончившейся дискуссии, почти исчезла из тематики научных исследований в области аграрных отношений и публикаций в экономических изданиях. В связи с провозглашенным властями курсом на инновационное развитие, на модернизацию экономики и ее отраслей, с необходимыми для этого изменениями в экономической политике, системе государственного регулирования, в стиле и методах хозяйственного управления, в выборе приоритетов использования имеющихся ресурсов и т.д., т.е. в рамках общих деклараций этого курса применительно к сельскому хозяйству проблемы его интенсификации как бы теряют свою актуальность. На самом деле и инновации (нововведения), и модернизация (обновление, усовершенствование) являются лишь факторами интенсификации, как более широкого экономического понятия, как особого направления развития, системного качественного преобразования системы ведения и социального развития сельского хозяйства.

Базируясь на общих закономерностях процесса социально-экономического развития, интенсификация в сельском хозяйстве имеет существенные особенности. Ее последовательное осуществление затрагивает важные аспекты аграрной теории, прежде всего, связанные с законом убывающего плодородия почвы, теорией и условиями образования дифференциальной земельной ренты. Включающая в себя в качестве основы, определяющей движущей силы научно-технический прогресс, системные технико-технологические преобразования, интенсификация сельского хозяйства предполагает комплекс мер по обеспечению экологической устойчивости, рационализации природопользования.

Вместе с тем, интенсификация сельского хозяйства включает в себя в качестве одного из определяющих факторов социально-трудовую составляющую. Профессиональное ее осуществление с наибольшим экономическим эффектом, широкое целенаправленное использование научных разработок, практических нововведений требует адекватно высокого качества «человеческого фактора», формирования по сути нового типа работника, подготовки высококвалифицированных специалистов. Но чтобы иметь и закрепить на селе такие кадры необходимо создать для них соответствующие условия жизнедеятельности, современную социальную и инженерную инфраструктуру. Все это, в конечном счете, обусловливает не

только особый подход к научной организации всего воспроизводственного процесса на той же земельной площади, но затрагивает общие глобальные проблемы развития экономики и общества в целом, формы и механизмы экономических отношений, методы хозяйствования и управления и т.д., раскрывающие и стимулирующие творческую, созидательную силу человеческой деятельности, в ее исходном пункте заложенной в земледельческом труде.

Очевидно, что успешно решать комплекс названных и связанных с ними других проблем реализации общей стратегии развития сельского хозяйства по пути последовательной интенсификации можно на основе разработки и использования научной методологии, начиная с определения самого понятия сущности, движущих сил, показателей этого сложного, противоречивого процесса. А именно в этом, исходном пункте его исследования и практического осуществления до сих пор нет полной ясности. Следует поэтому, прежде всего напомнить, что интенсификацию производства (от фр. intensification – напряжение) в общем понимании ее сущности принято рассматривать как «процесс развития общественного производства, основанный на применении более эффективных средств производства и более совершенных форм организации труда и технологических процессов» (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. II, с. 38). Примерно такое же определение сущности интенсификации производства дается и в других научных и энциклопедических изданиях.

Что касается интенсификации сельского хозяйства, то в указанной энциклопедии ее сущность определялась уже совсем иначе т.е. как «процесс роста производства продукции за счет дополнительных, последовательно осуществляемых затрат живого и овеществленного труда (в других источниках – труда и капитала) на единицу «земельной площади». Такое определение обычно «привязывалось» к известному определению этого понятия К.Марком, как «концентрации капитала на одной и той же земельной площади». Дальше такого подхода к трактовке понятия интенсификации сельского хозяйства наука того времени не продвинулась, а, учитывая, видимо то, что истина уже установлена «Экономическая энциклопедия» (издание 1999 г. «Экономика») это понятие вообще не рассматривает.

Между тем, сведение сущности интенсификации сельскохозяйственного производства к «концентрации» или «последовательным» затратам капитала на той же земельной площади, по меньшей мере, является односторонним, а в принципе неприемлемым. Нельзя специфические особенности осуществления этого процесса в сельском хозяйстве, связанные с последующими (добавочными) вложениями на той же земельной площади рассматривать как его экономическую сущность. Вложения капитала (как добавочные, так и общие) это *материальная основа*, важный, но один из факторов интенсификации. Главным, определяющим в ее сущности, эффективном в практическом

осуществлении являются качественные научно-технические и социально-экономические преобразования и, тем самым, «повышение напряженности», следовательно, эффективности конкретных вещественных элементов этого капитала, конкретных видов и всей совокупности производственных ресурсов[4].

Другое дело, что рост экономического плодородия почвы, как обобщающее выражение результативности, этой напряженности предполагает определенный объективно обусловленный уровень материально-технического, ресурсного обеспечения в расчете на гектар земельной площади или голову скота, а этот уровень в сельском хозяйстве страны находится сейчас на недопустимо низкой отметке. Повышение его до необходимого оптимума (учитывая снижающуюся за его пределами эффективность добавочных вложений) является важнейшим условием реализации всей стратегии развития сельского хозяйства на основе интенсивных факторов экономического роста.

Следование этой стратегии – прямой путь к современной социально-экономической модели развития сельского хозяйства и вместе с тем обеспечению прочной продовольственной, а, значит, общей национальной безопасности страны. Этим объясняется особое и неослабное внимание и к научным исследованиям, и к прикладным вопросам интенсификации сельского хозяйства, которое наблюдается в странах с высокоразвитым аграрным сектором, в значительное мере предопределяющим общее социально-экономическое благополучие в этих странах, в том числе имеющих низкую землеобеспеченность.

В России, несмотря на значительное сокращение пахотных земель (за 1990-2011 гг. почти на 40 млн га и сельскохозяйственных угодий в целом на 18 млн га) сохраняется достаточно высокий уровень землеобеспеченности (на одного человека, соответственно, по 0,53 и 1,38 га). Во Франции, например, на каждого жителя страны приходится всего 0,4 га пашни и 0,5 га сельскохозяйственных угодий, т.е. последних в 2,7 раза меньше, чем в России, причем земель далеко не лучшего качества. Однако на основе интенсификации производства за последние 20 лет объем валовой продукции сельского хозяйства возрос почти в 1,4 раза и составляет сейчас в среднем за год 64 млрд евро (около 2,5 трлн рублей в ткущих ценах), а в среднем в расчете на 1 га сельхозугодий больше, чем в России в 6 раз, на душу населения – в 2,6 раза, на занятого в сельском хозяйстве – в 5,8 раза.

[4] Такой концептуальный подход с акцентом на обусловленность процесса *общими* закономерностями экономического развития, а его эффективность рыночными отношениями, был изложен в моей монографии «Экономическая эффективность интенсификации сельского хозяйства» (М.: Колос, 1966 г.). Однако в партийной печати по «указанию» из ЦК КПСС (редакционная статья в газете ЦК КПСС «Экономическая газета» от 29.07.1967 г.) он был подвергнут «разоблачительной» критике с обвинениями автора в «кабинетных домыслах». Там же приводится выпад в адрес журнала «Вопросы экономики», опубликовавшего в № 7 за 1967 г. рецензию на указанную монографию с положительной оценкой научного и практического значения работы. Характерная деталь: пока не последовало «указания» свыше опорочить автора, та же «Экономическая газета» в № 41 (октябрь 1966 г.) писала: монография И.Буздалова «имеет исключительно большое значение и является несомненным вкладом в изучении важной и сложной экономической проблемы».

Полностью обеспечивая население страны продовольствием Франция стала вторым в мире экспортером сельскохозяйственной продукции, продавая на внешнем рынке примерно 15% ее валового производства, в т.ч. значительных объемов животноводческой продукции[5].

Беспрецедентных результатов развития сельского хозяйства на основе интенсификации сельского хозяйства достиг Израиль, увеличивший за 60 лет после создания страны валовой объем продукции на полупустынных землях в 20 раз! Значительных объемов (свыше 1,5 млрд долларов в год) составляет экспорт продовольствия, в т.ч. в Россию. Высокоинтенсивным является сельское хозяйство Швеции, бывшей отсталой российской окраины – Финляндии, Голландии, многих других странах Запада. Даже Индия и Китай с еще более низкими показателями землеобеспеченности достигли огромного прогресса в интенсификации сельского хозяйства, следовательно, прогресса в общем сельском развитии.

Анализ показывает, что процесс интенсификации в названных и других странах, в частности США, базируется: 1) на прочных, научных основах, соответствующих методических и аналитических разработках; 2) на оптимизации размеров и структурной сбалансированности капитала, материальных ресурсов в расчете на единицу земельных угодий (эти оптимумы, например, по фондоемкости в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий в 3-4 и более раз превосходят российские показатели, по удобрениям в 10 и более раз, достигая 500-600 и более кг минеральных удобрений на гектар посевной площади и т.д.; 3) на стимулирующей процесс интенсификации активной протекционистской аграрной политике и соответствующей системе целенаправленного государственного экономического регулирования и социальной защиты сельских товаропроизводителей и 4) на рыночном механизме, методах хозяйствования и управления в соответствии с принципом: «рынок регулирует – государство корректирует», сообразуясь с критериями экономической эффективности и социальной справедливости.

В формировании и укреплении материально-технической базы интенсификации сельского хозяйства заметные сдвиги произошли в СССР в так называемые «застойные» годы с одновременными активными научными разработками по ее осуществлению. Курс на интенсификацию подкреплялся постоянно растущим финансовом и материально-техническим обеспечением со стороны государства, экономическим стимулированием процесса, прежде всего, через ценовой механизм, кредитную и налоговую системы.

[5] Важно отметить, что именно существенная доля или абсолютное преобладание экспорта продукции животноводства, особенно говядины, свидетельствует об интенсивном, следовательно, устойчивом развитии сельского хозяйства и является подтверждением статуса настоящего экспортера агропродовольственной продукции. Наоборот, однобокий экспорт зерна в ущерб развитию кормовой базы животноводства, как это происходило в России в 30^{е} годы XX в. и наблюдается в настоящее время, является отражением несбалансированности аграрной структуры, как и общей отсталости, неустойчивости, экстенсивного характера сельскохозяйственного производства. С этой точки зрения экспорт зерна в среднем за последний период в объеме 10-12 млн тонн в год при импорте продукции животноводства, эквивалентной, соответственно, 16-18 млн тонн зерна представляет собой наглядное выражение этой несбалансированности и еще одно подтверждение общей ущербности проводимой аграрной политики.

Инвестиции в сельское хозяйство в 1981-1985 гг. по сравнению с 1966-1970 гг. возросли в 2,0, а в целом в АПК в 2,3 раза, их доля в общих инвестициях при колоссальных военных расходах достигала 33,2%, причем значительная часть капиталовложений приходилась на государственный бюджет. В итоге основные производственные фонды фактически почти на ту же земельную площадь возросли в 3,2 раза, поставки тракторов почти в 2 раза, грузовых автомобилей в 3 раза, минеральных удобрений почти в 7 раз и т.д.

Другое дело, что об указанном оптимуме капитальных и текущих затрат на ту же земельную площадь, об их рациональной структуре и повышении эффективности в условиях затратного механизма, присущего господствовавшей административно-командной системе мало думали или не думали вообще. Поэтому указанные действительно огромные добавочные вложения в форме финансовых средств и материально-технических ресурсов по определению не могли обеспечить адекватной отдачи уже потому, что игнорировались рыночные стимулы и регуляторы, что хозяйствам наряду с нужной техникой в «плановом» порядке навязывалась ненужная, возникали диспропорции между силовыми и рабочими машинами, что низким оставалось общее качество техники и т.д. Если в 1965 г. на 1 рубль основных фондов было получено 1,01 рубля валовой продукции, то в среднем за 1971-1975 гг. 0,5 рубля и в 1981-1985 гг. 0,36 рубля. Резко возрастала себестоимость сельскохозяйственной продукции, практически стабилизировался уровень урожайности сельскохозяйственных культур, негативные процессы происходили в состоянии и использовании земельных угодий. Иначе говоря, вопреки объявленному курсу на интенсификацию как «главный путь» развития сельского хозяйства, последнее находилось в состоянии очевидной неустойчивости с явными признаками углубляющегося системного кризиса, и поддерживалось в этом состоянии преимущественно за счет экстенсивных факторов, затратного экономического механизма.

На современном «особом российском пути»

С началом рыночных реформ аграрное сообщество, непосредственные сельскохозяйственные производители, естественно, ожидали осуществления необходимого комплекса целенаправленных мер аграрной политики по повышению уровня и эффективности интенсификации сельскохозяйственного производства. К сожалению, продуманной стратегии этого осуществления в стране практически не было разработано, равно как и не было обеспечено необходимого ее ресурсного обеспечения, прежде всего для поддержания и повышения экономического плодородия почвы, урожайности полей, как непосредственного результата интенсификации. В следовании по особому российскому пути появились даже странные «новшества». Если в прежней «плановой» советской системе огромное количество минеральных удобрений терялось, оказывалось брошенными на

окраинах полей, портилось под открытым небом, но фиксировалось в отчетах как выполнение плана внесения в почву, то теперь часто поля вообще не удобряются и почвенное плодородие продолжает стремительно падать. За годы нынешних «реформ» в этом сегменте интенсификации сельского хозяйства вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат. И это в условиях, когда за те же годы производство минеральных удобрений в стране даже возросло (с 16 до 18,8 млн тонн) и при сокращении посевной площади на 35% в расчете на гектар их дозы должны были возрасти почти в 1,4 раза.

На самом деле эти дозы, вопреки мировым тенденциям, даже советской практики, сократились в 2,2 раза (с 88 до 38 кг), т.к. более 80% минеральных удобрений экспортируется и используется для повышения экономического плодородия земель зарубежных фермеров. Одновременно сократилось внесение органических удобрений (в расчете на 1 га посева в 3,2 раза). Сейчас на 55% посевных площадей минеральные удобрения вообще не вносятся, а органические – на 93% этих площадей. За те же годы в 9 раз сократилось применение химических средств защиты растений. На 75% посевных площадей нарушены севообороты. В результате всего этого урожайность основных культур, как и выход продукции растениеводства в расчете на гектар земельных угодий в сопоставимых ценах фактически остался на том же уровне и поддерживается за счет истощения естественного почвенного плодородия. Если за 1990-2010 гг. урожайность зерновых в стране почти не сдвинулась с отметки около 20 ц/га, во Франции, Германии, США, Англии она возросла на 15-20 ц/га и превысила 70 ц/га. За те же годы на 17% сократился общий выход продукции с 1 га сельскохозяйственных угодий, в т.ч. продукции животноводства более чем на 1/3.

Все это свидетельствует о явной тенденции к снижению уровня интенсификации, что подтверждается динамикой технического оснащения сельского хозяйства, состоянием машинно-тракторного парка, системы энергосбережения и т.д. Прежде всего, произошло значительное сокращение основных видов техники. За тот же период количество тракторов уменьшилось в 4,2 раза, зерноуборочных комбайнов почти в 5 раз, кормоуборочных комбайнов в 9 раз и т.д., что привело к существенному увеличению нагрузки на каждую машину, следовательно, снижению технологических возможностей производства. Энергетические мощности на 100 га посевной площади сократились с 364 л.с. до 227 л.с. Низким остается качество техники отечественного производства, степень ее износа возросла за тот же период в 2 раза, а коэффициент обновления снизился в 2,1 раза. Те же негативные тенденции к снижению показателей интенсификации наблюдаются в животноводстве, о чем, прежде всего, свидетельствует сокращение поголовья скота на единицу земельной площади, низкая продуктивность скота (в 2-3 раза ниже показателей развитых стран). Все это свидетельствует о деградации технико-технологического уровня производства, тогда как интенсификация предполагает его повышение, качественное преобразование.

Общую оценку состояния процесса интенсификации сельского хозяйства, ее экономической эффективности дает динамика соотношения затрат и результатов на единицу земельной площади. Правда, опосредование движения соответствующих показателей рыночным механизмом при всем его несовершенстве позволяет выявить некоторые внешние позитивные тенденции, которые стали проявляться в последний десятилетний период. За 2000-2011 гг. практически на ту же площадь сельскохозяйственных угодий некоторый рост валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых оценках происходил при снижении или стабилизации фондооснащенности отрасли. Поэтому не наблюдалось такого падения фондоотдачи, как это происходило в условиях дореформенного затратного экономического механизма.

Однако этими показателями не стоит обольщаться. Происходит «закономерное» при сложившихся методах хозяйствования и управления, перекосах в рыночном механизме, ценовых соотношениях неизбежное снижение выхода продукции на единицу совокупных затрат в фактических рыночных ценах и, соответственно, рост себестоимости основных видов продукции.

Все это, соответственно, сказывается на эффективности и конкурентоспособности производства, основных ее показателях, их негативной динамике, прежде всего на обобщающем показателе – рентабельности. Дело в том, что многие пороки прежней административно-командной системы в своеобразных формах трансформировались в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом и «телефонным» правом. Товарное производство «особого рода» преобразовалось в смесь стихийности и монополизированности рынка, в связи с чем «плановые» ценовые диспропорции сменились запредельным диспаритетом цен. Государственная монополия заменилась монополизмом партнеров сельского хозяйства по АПК и чиновничьим произволом. Стиль и методы работы нынешних глав районов и субъектов федерации мало чем отличается от «руководящей» роли прежних парткомов во главе с первыми секретарями. В условиях доминирования властной вертикали над другими ветвями власти, замены самого «гуманного» советского суда независимым «басманным» судом, волевые решения или благовидные декларации прочно закрепились в структурах государственного управления на всех ее иерархических уровнях. Такие «перемены» крайне болезненно отражаются на всем процессе социально-экономического развития страны, особенно российского села.

Если в сельском хозяйстве в 2000 г. без учета субсидий и при вдвое заниженной оплате труда селян рентабельность составляла 2,4%, в 2005 г. – 2,1%, а в среднем за 2009-2011 гг. сельское хозяйство имело убыточность в 1,5%, то в 1990 г. полученная прибыль в отрасли обеспечивала 37% рентабельности. Такая «динамика» является прямым следствием волевых решений, деклараций и полумер, порождающих дезорганизующий весь процесс интенсификации сельского хозяйства диспаритет цен на продукцию

отрасли и используемые в ней промышленные средства производства, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии действенного государственного экономического регулирования развития сельского хозяйства. Об этом говорят и данные как о скудных источниках собственных накоплений СХО для добавочных вложений в повышение уровня интенсификации, так и о доле села в общих инвестициях в народное хозяйство. Если в 1990 г. эта доля составляла 16%, то в 2011 г. она снизилась до 3%.

В дореформенный период значительная часть инвестиций в сельское хозяйство обеспечивалась за счет государственного бюджета. В 2012 г. она не превышала 1,5%. Существенными (на сумму 150 млрд рублей за 2000-2011 гг.) являются абсолютные суммы их прироста, но они крайне малы для осуществления интенсификации с точки зрения объявленной властями модернизационной стратегии и инновационного развития сельского хозяйства (около 1 тыс рублей на 1 га сельскохозяйственных угодий и 2,5 тыс рублей на 1 га пашни). Это на порядок ниже, чем соответствующие вложения на текущее поддержание достигнутого высокого, оптимизированного по параметрам, уровня интенсификации сельскохозяйственного производства в целом ряде западных стран – членов ВТО и такая поддержка, видимо, «разрешена» правилами этой организации.

Сейчас совершенно очевидно, что 17-летний период переговоров России о вступлении в ВТО характеризовался очевидными упущенными возможностями создания условий и предпосылок «безболезненного» для российского сельского хозяйства присоединения к правилам и требованиям этой организации. Особенно это касается размеров протекционистской поддержки отрасли, являющейся определяющим макроэкономическим фактором ее интенсификации, а, следовательно, достижения высокой конкурентоспособности. Поучительным примером целенаправленного проведения активной политики аграрного протекционизма и тем самым разумности, серьезности подготовки вступления в ВТО является Южная Корея. По сути, закрыв внутренний рынок для импортной агропродовольственной продукции, правительство страны мобилизовало государственные ресурсы на масштабной бюджетной поддержке национального сельского хозяйства (выделяя по 5 тыс долларов на 1 га сельхозугодий), обеспечив его системную модернизацию и на этой основе конкурентные преимущества южнокорейского АПК на пространствах ВТО.

Россия, располагая огромными поступлениями от нефтегазового экспорта, при правильной расстановке макроэкономических приоритетов также могла бы с успехом реализовать эти преимущества. По нынешнему соглашению с ВТО это просто недостижимо. Для многих стран такие соглашения позволяют субсидировать сельское хозяйство до 1 тыс долларов и более на 1 га, а России «разрешена» поддержка в сумме только менее 50 долларов (и те выделяются только на 50%) и это ставится в «заслугу» переговорщикам с этой организацией.

Связанное с фактической убыточностью сельского хозяйства (а при сопоставимой оценке оплаты труда в отрасли эта убыточность составляет

около 15%) практическое почти полное отсутствие необходимой финансовой базы осуществления последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства объясняется таким образом тем, что должным образом не задействованы макроэкономические факторы и система ее государственного экономического регулирования, необходимые меры и размеры бюджетной поддержки.

Могут сказать, что необходимые для перевода сельского хозяйства на интенсивный путь развития ресурсы лучше направить на вовлечение в оборот заброшенных в годы реформ 40 млн га пахотных земель, на что ориентирует и Доктрина продовольственной безопасности страны. Но, во-первых, это потребует более значительных затрат, т.к. на большей части этих земель уже нет никаких признаков жизни и их, часто заросших кустарником и мелколесьем нужно вновь осваивать, как когда-то целинные и залежные земли, создавать необходимую инфраструктуру, строить жилье, дороги и т.д. Во-вторых, на оставшихся в обработке 80 млн га пахотных и 196 млн га всех сельскохозяйственных угодий с меньшими затратами можно в 1,5-2,0 раза увеличить производство продукции отрасли. В перспективе, по мере оптимизации размеров и структуры материально-технической базы интенсификации, комплексного качественного преобразования всех факторов производства такой же или даже больший объем продукции можно будет получить и с меньшей общей площадью сельскохозяйственных земель. Не случайно при насыщении агропродовольственного рынка в мировой практике применяются меры и стимулы по сокращению посевных площадей.

Экономически обоснованные оптимумы этого капитала, необходимых финансовых средств, конкретных видов производственных ресурсов в расчете на гектар земли или голову скота в зависимости от специализации, отраслевой структуры, других условий будут существенно меняться. Здесь необходимы специальные методические разработки и аналитические расчеты. Общим ориентиром определения необходимых размеров и структуры затрат на 1 га земельных угодий и голову скота могут быть показатели из зарубежной практики, близкого к ней опыта отдельных успешных в осуществлении интенсификации сельского хозяйства отечественных производителей. Причем в одних случаях средства целесообразно направлять преимущественно в эффективное производство соответствующей группы хозяйств и в других, особенно в сельской глубинке, в создание необходимых социальных предпосылок ее осуществления, строительство дорог, жилья, инженерной инфраструктуры и т.д. Примерные, основанные на экстраполяции указанных нормативов расчеты показывают, что для удвоения продукции сельского хозяйства на используемых в настоящее время сельскохозяйственных угодий общий размер производственно-технического потенциала в целом надо увеличить примерно в 3,0-3,5 раза (по отдельным элементам, видам техники, удобрений и т.д. – в 4-5 и более раз). Текущие материальные затраты при этом возрастут в два с лишним раза при сокращении затрат живого труда на 35-40%. Общий среднегодовой объем финансовых средств для соответствующих

преобразований материальной базы интенсификации исчисляется суммой в 500-550 млрд рублей. (Это примерно 45% от суммы ежегодной «перекачки» созданного в сельском хозяйстве национального дохода в пользу субъектов монопольного окружения отрасли и государства).

Собственных финансовых средств для таких вложений (при нынешнем ценовом диспаритете и фактическом уровне аграрных цен) сельское хозяйство, за исключением небольшой группы СХО, как правило, получающих рентные доходы, не имеет. При сложившемся практически вдвое заниженном уровне оплаты труда работников сельского хозяйства, последние не имеют необходимых высоких стимулов активной производственной деятельности и многие из них, особенно молодежь уходят в другие сферы экономики, равно как и 85% окончившие ВУЗы специалисты аграрного профиля. А это значит, что для активизации определяющего, «человеческого» фактора интенсификации необходимо повышение уровня оплаты сельскохозяйственного труда и вместе с тем его квалификации, специальной подготовки, следовательно, увеличение «добавочных» вложений в социальную сферу села, в развитие сельской социальной и инженерной инфраструктуры, дорожно-транспортной системы и т.д. Основными источниками необходимых для всего этого средств, если не полностью, то в основном являются поступления в федеральный бюджет и в какой-то мере региональных бюджетов, т.к. надежды на частные инвестиции при нынешнем убогом состоянии села крайне малы.

При соблюдении правильных, социально справедливых пропорций распределения национального дохода и сбалансированной ценовой системе, обеспечивающей объективно необходимый уровень рентабельности сельского хозяйства (по имеющимся, неоднократно публиковавшимся, расчетам на уровне примерно 25%) с включением в издержки сопоставимой со средней по экономике оплаты труда) отрасль могла бы иметь достаточные для таких вложений собственные источники. Но в стране продолжает действовать в корне подрывающая экономические основы интенсификации производства и всего процесса сельского развития пресловутая, с ее «военно-феодальной» сущностью, «перекачка» созданного крестьянским трудом национального дохода, в т.ч. изъятия из отрасли всей прибавочной стоимости и примерно половины общественно-необходимого уровня оплаты труда.

По имеющимся расчетам структуры стоимости товарной продукции сельского хозяйства за 2009-2011 гг. в розничных ценах среднегодовой объем этой перекачки в пользу субъектов монопольного окружения отрасли, включая государство, составляет 1,3 трлн рублей (40 млрд долларов), тогда как возвращается в село 1/10 часть (4,3 млрд долларов). Но и из этой мизерной суммы около 60% (80 млрд рублей) через фискальное налогообложение государство забирает назад. Все это как капля воды напоминает известную ситуацию на необитаемом острове, когда один мужик прокормил двух генералов, сделавшихся от этого «белыми и веселыми», за что пожаловали своего спасителя и кормильца, этого «тунеядца рюмкой водки, да пятаком серебра».

Чиновники из экономического блока правительства, считающие сельское хозяйство «черной дырой» и смирившиеся с унизительным для России масштабным импортом продовольствия, соответственно, поддержкой за счет него зарубежных фермеров, аргументируют такую антикрестьянскую политику нехваткой бюджетных средств. На телевизионной пресс-конференции 20 декабря 2012 г. Президент РФ В.В.Путин прямо не высказал своего отношения к такой аргументации, но заявил, что сейчас принятый бюджет не позволяет ежегодно выделить для села даже «разрешенные» соглашением с ВТО 9 млрд долларов (примерно 280 млрд рублей).

Однако препятствие получать сельскому хозяйству свою, заработанную тяжелым крестьянским трудом долю национального дохода, не в фактической структуре бюджета, а в его идеологах и составителях, не считающихся ни с собственными декларациями о приоритете сельского развития, ни с необходимостью обеспечения более рациональной расстановки приоритетов социально-экономического развития страны вообще. Сложилась поистине «любительские» отношения к выбору этих приоритетов. Отсюда, например, следует, что «вложения капитала» на международные спортивные игры и чемпионаты (составляющие по некоторым оценкам около 10% доходной части федерального бюджета страны в 2012 г.) приоритетнее затрат на сельское хозяйство (на 27% наиболее обездоленных жителей села) в размере 1,4% от этого бюджета? Увлечение спортивными зрелищами, на которые в ближайшие годы власти хотят затратить 1,7 трлн рублей (почти 10 аграрных бюджетов) может обернуться непредсказуемыми последствиями. Где здесь экономическая целесообразность и социальная справедливость, и вообще элементарный здравый смысл? А, ведь, еще есть десятки тысяч детей сирот и инвалидов, многие миллионы людей, особенно на селе, жилье которых напоминает времянки и трущобы, бездорожье, обделенные в средствах культура, наука и т.д., т.е. куда более важные и неотложные приоритеты. Очевидными субъективными соображениями и пристрастиями продиктованы и увлечение некоторыми другими, далеко не очевидными приоритетами, в частности, астрономическими суммами затрат на военные цели, космос и т.д., где многие миллиарды народных средств действительно исчезают как в черной дыре. Так что дело не в «узких» рамках бюджета, а в явных изъянах, перекосах, очевидных признаках субъективизма проводимой аграрной, бюджетной и общей экономической политики государства.

* *
*

Ограниченность любых ресурсов на земле – объективная мировая реальность. Отсюда стратегическая задача их эффективного, социально справедливого распределения и использования. Но приоритетное развитие сельского хозяйства это тоже глобальная мировая реальность,

предполагающая объективную общественную необходимость обеспечения активной государственной поддержки отрасли, сокращая для этого хотя бы наполовину разорительное для села масштабы перекачки результатов крестьянского труда (или, что тоже, - возвращая сельскому хозяйству запредельные фискальные изъятия этих результатов). Размеры такой поддержки в рамках других ограничений во многих зарубежных странах, где не хуже наших властей понимают значение обороны, спорта и т.д., но знают во всем этом меру и на деле обеспечивают приоритет сельского развития,, достигают двух и более тысяч долларов в расчете на гектар земельных угодий против подачки в 25 долларов в России.

В этом отношении помимо названных выше крупных и малых стран поучительным примером выбора приоритетов для нас является Китай. При площади пахотных земель в 121 млн га, т.е. всего в 1,5 раза больше, чем в России, поддержка сельского хозяйства в последние годы в расчете на гектар этих земель более чем в 15-20 раз превышает российские показатели. Бездействие или видимость действия наших властей в этой области не поддается никакому разумному объяснению, разве что якобы неизбежной обреченностью, спотыкаясь следовать по «особому» российскому пути, неизбежно сталкивающему страну на обочину мировой цивилизации.

Список литературы

Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России. Вопросы экономики, 2009, № 9, с. 4-13.

Буздалов И.Н. Перекачка, как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики. Вопросы экономики, 2009, № 10, с. 121-130.

Буздалов И.Н. Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России. АПК: экономика, управление, 2010, № 5.

Жученко А.А. Вызовы XXI столетия мировой и отечественной продовольственной безопасности. Агропродовольственная политика России. 2012 г., № 1, с. 4-7.

Лемешев М.Я. и др. Мировой опыт пока ничему не учит. М.: Тип. Россельхозакадемии, 2011 г., 161 с.

Назаренко В.И. Государство и сельское хозяйство на Западе. М.: Изд-во ОГНИ ТД, 2009, 323 с.

Пошкус Б.И. Факторы укрепления сельского хозяйства: надежды и действительность. Екатеринбург, 2010 г., 168 с.

Узун В.Я. Российская политика поддержки сельского хозяйства и необходимость ее корректировки после вступления в ВТО. Вопросы экономики, 2012 г., № 10, с. 132-148.

Main way of reviving the Russian village

Ivan Buzdalov

Author affiliation: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) tamara.buzdalova@yandex.ru

In the acticle, the crisis state of agrarian sector of Russia, its reason and defining role in its overcoming implementation of a consecutive intensification of agriculture is considered. The lag in scientific development of methodological and applied aspects of an intensification, a faint reflection of the theme in the special economic literature. Foreign experience in this area, practice of use of factors of an intensification during the Soviet and modern period of development of agriculture is emphasized. Negative consequences of lack active protectionist support of this process are shown a special role of the state in activization of process of an intensification of agricultural production. Measures for increase of level and economic efficiency of an intensification locate.

Keywords: agrarian crisis, intensification, intensification factors, modernization, investments, scientific and technical progress, additional investments, land rent, agrarian protectionism, agrarian policy.

JEL: Q18, Q14, Q11